

— Ты что творишь?! —

Медсестра, что была на стороне Ци Ханя, стремительно подбежала, и, увидев осколки стекла и розоватое пятно на полу, застыла в шоке. Врачи, что сами видели, как вытягивали феромоны, переглянулись с таким видом, будто не верили своим глазам.

— Ты хоть понимаешь, насколько это больно — вытягивать феромоны?! — вспыхнула медсестра, и голос её дрожал от возмущения. — У него там вся железа исколота, а ты... вы ведь пара, какие бы ни были ссоры, нельзя же вот так! Да хоть бы на время лечения ты мог перестать капризничать!

Фу Гэ даже не взглянул на неё. Только невесело усмехнулся.

— Капризничать? — он моргнул, прикрыв глаза на мгновение, и тихо бросил: — Простите, но вы ошиблись. Мы не пара и я не капризничаяю.

— Что?! — медсестра недоверчиво фыркнула, закатывая глаза так театрально, будто играла на сцене. — А кто тогда? Кто ещё будет так рисковать и вытягивать феромоны, если не альфа твоей пары? Если вы не вместе, то кто он тебе?

— Он? — Фу Гэ на мгновение задумался, глядя на расплывшееся по полу розоватое пятно, потом медленно поднял глаза и с холодной усмешкой бросил:

— Он мой насильник.

Звук был тихий, но в тишине коридора разнёсся, словно пощёчина.

Ци Хань, склонившийся было за осколками, замер.

Медсестра округлила глаза, словно её окатили ледяной водой.

— Ч-чего?! — она даже не сразу поняла, что осела на пол, хватаясь за край каталки, будто у неё подкосились ноги.

Фу Гэ поднял на неё глаза — равнодушные, бесцветные, словно у сломанной куклы.

— И почему он это делает, меня не интересует, — тихо добавил он. — Но одно я знаю точно.

Он шагнул вперёд, медленно, будто смакуя каждое движение. Тканевые тапочки мягко шлёпнули по полу, и тонкая подошва прижалась к тому самому липкому розоватому пятну.

— Я не позволю такой мерзости течь в моих жилах. — Голос был холодным, будто на губах растаял кусочек льда. — Так что я надеюсь, ваша больница уважает право пациентов отказываться от лечения.

На мгновение повисла такая тишина, что, казалось, было слышно, как капает физ раствор.

Ци Хань медленно поднял голову. Но сказать он ничего не смог. Только молча смотрел на розовые разводы на полу и опущенные ресницы Фу Гэ, понимая, что вряд ли когда-нибудь забудет этот взгляд.

Врачи и медсёстры обменялись тревожными взглядами, не сговариваясь, уставились на альфу, что ещё минуту назад выглядел как воплощение нежности и заботы.

Ци Хань медленно собрал все осколки, внимательно проверяя, чтобы ни один не остался под ногами Фу Гэ. Только когда убедился, что на полу не осталось ничего опасного, выпрямился.

Медсестра, всё ещё дрожа от сказанного, нервно сглотнула. Глаза то и дело соскальзывали с узкого, худощавого тела Фу Гэ на осколки в ладони альфы. Мысли лихорадочно метались, словно застрявшая в комнате птица.

— П-простите, вы... вы это сейчас... серьёзно? — пробормотала она, сама не веря своим ушам.

— Нет, конечно, — Фу Гэ вздохнул и натянуто улыбнулся. — Я же сказал, это была шутка. Не переживайте.

Но не успел он договорить, как Ци Хань, не поднимая глаз, глухо произнёс:

— Это не шутка.

— А-а—! — Медсестра, услышав это, вскрикнула и, резко обернувшись, шагнула вперёд, загораживая Фу Гэ собой. Руки у неё тряслись, но она всё равно встала так, словно собиралась грудью остановить танк.

— Н-не подходи! — выпалила она, распахивая руки, будто пытаясь защитить Фу Гэ.

Фу Гэ замер, растерянно моргая. Он и сам не понимал, что чувствует: то ли смех, то ли боль.

Ци Хань не обратил на неё ни малейшего внимания. Лишь невозмутимо поднял глаза, и тёмный, холодный взгляд медленно скользнул по всем присутствующим.

— Тот, кто виноват, — это я, — сказал он спокойно, будто речь шла о погоде.

Его голос был тихим, но каждый слог звучал так ясно, что в груди всё похолодело.

— Так что мне не хотелось бы слышать от кого-то из вас обвинения в адрес моего... любимого человека. Тем более такие эмоциональные выпады. А теперь — слушайте меня внимательно. Всё, что произошло в этой палате, должно здесь и остаться.

Ци Хань медленно поднял глаза, и взгляд был таким ледяным, что даже старший врач невольно напрягся.

— Если хоть одно слово выйдет за пределы этой комнаты... — с тихим звоном осколки стекла упали в мусорное ведро. — Тогда мне останется только выразить глубочайшее сожаление.

Медсёстры тут же переглянулись, кто-то нервно сдвинул ручку каталочки, кто-то побелел так, что губы стали почти прозрачными.

Альфа, что в свои двадцать с небольшим уже успел стать председателем столичного бизнес-клуба, да ещё и при своих связях, выглядел как воплощение хищного спокойствия.

Умные люди сразу поняли, что к чему, и многозначительно кивнули, избегая смотреть в глаза.

Врачи и специалисты один за другим покидали палату, но та самая маленькая медсестра всё время оглядывалась через плечо, кусая губы и переминаясь с ноги на ногу.

— Пойдите. — Фу Гэ окликнул её, когда она почти дошла до двери. Он поднял с тумбочки чужую папку с медицинскими записями и протянул. — Это ваше?

— А? Да-да, моё! — медсестра вспыхнула, сгребла папку и замерла, глядя в пол. — Пр-простите меня... Я... я не хотела лезть не в своё дело. Я... — Голос дрожал, и на кончиках ресниц блестели слёзы.

Она что-то лихорадочно искала в кармане и вдруг вытянула горсть конфет и высыпала их прямо в ладонь Фу Гэ.

— Вот! — глаза блестели, как у напуганного кролика, но она упрямо подняла подбородок. — Это... это все мои сладости на ночь! Забирайте, правда, очень прошу прощения!

Фу Гэ замер, глядя на леденцы в руках, и едва не рассмеялся. Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то вот так, от чистого сердца, пытался ему помочь?

Медсестра поёжилась, ещё раз оглянулась на дверь и вдруг, вжав голову в плечи, быстро наклонилась к самому уху Фу Гэ:

— Слушайте, вам помочь вызвать полицию? — шепнула она так тихо, что было едва слышно. — Мы его арестуем! Обещаю, я сама напишу заявление. — В конце она даже постаралась выглядеть грозно, но вышло больше похоже на напуганного воробья.

Фу Гэ застыл на миг, не веря своим ушам. С того самого дня, как всё это началось, это было первое тёплое слово от незнакомого человека. И оно было настолько неожиданным, что внутри на секунду что-то дрогнуло.

— Ты не боишься? — растерянно пробормотал он.

Только что палата была полна врачей — взрослых, солидных альф, большинство из которых давно перевалили за тридцать. И никому из них не было дела.

Только эта наивная маленькая омега, только-только вышедшая с практики, хваталась за чужие медицинские карты и шла наперекор всему.

— Бо-боюсь... — пробормотала медсестра, зябко поёживаясь и обхватывая себя руками. — Я вообще-то ещё на испытательном сроке. Но ты же...

Договорить она не успела.

Фу Гэ вдруг, почти не раздумывая, взял одну из конфет и мягко засунул ей в рот.

Медсестра округлила глаза, даже икнула от неожиданности. Леденец слегка стукнул по зубам, и она с трудом подавилась испуганным «мяу».

— Глупая, — Фу Гэ улыбнулся так тепло, что сам удивился. — Иди работай, у тебя ещё смена не закончилась.

Последним из палаты вышел Ци Хань.

Фу Гэ, стоя в дверях, опираясь плечом на косяк, тихо произнёс:

— Председатель Ци, у вас ещё какие-то указания?

Ци Хань замер на пороге, обернулся, но так и не успел сказать ни слова, потому что Фу Гэ его перебил:

— Ах да, — голос был тихим, почти весёлым, но в интонациях было столько яда, что пальцы непроизвольно дрогнули. — Я же забыл. Я ведь пролил твои феромоны. Логично, что ты пришёл наказывать меня, верно? Так как ты собираешься это сделать в этот раз, уважаемый...

господин?

Последние два слова Фу Гэ произнёс особенно резко, так, что в каждом слоге сквозили и ненависть, и горечь.

Ци Хань замер. Губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Ярко-красные глаза растерянно скользили по лицу Фу Гэ, будто пытаюсь найти хоть что-то, за что можно было бы зацепиться.

— Уже девять, — хрипло пробормотал он наконец, голос звучал глухо и сдавленно, как у человека, что слишком долго не говорил. — Я просто хотел заказать тебе ужин.

Не дав Фу Гэ ответить, резко обернулся к двери и, сорвав голос, позвал:

— Эй! Сюда кого-нибудь.

Тотчас в палату шагнул охранник в чёрном костюме.

— Председатель.

— Скажи на кухне: пусть приготовят курицу с кокосом, рёбрышки с сыром и креветки с лунцином. Без единого чайного листа. Кашу только из злаков. И ни в одно блюдо ни грамма имбиря и чеснока. Он их не ест.

Отдавая приказы, Ци Хань говорил быстро, почти механически.

Как только охранник кивнул, Ци Хань резко развернулся и вышел, даже не обернувшись.

Он шагал по коридору так быстро, что подол пальто разметался, а каблуки звонко стучали по плитке. Но стоило завернуть за угол, как ноги резко подкосились. Ци Хань тяжело привалился к стене, согнулся пополам и сдавленно закашлялся, прикрывая рот рукой.

Жгучая, тягучая тошнота подкатило к горлу. Пальцы задрожали так, что стучали по кафелю, а когда он, сжав зубы, наклонился и изверг из себя весь питательный раствор, лицо побелело как полотно.

Последствия извлечения феромонов. Тошнота и слабость — это ещё цветочки. Дальше будет хуже.

— Ты вообще, блять, ради чего это делаешь?! — он стиснул зубы, проглотил желание врезать ему. — Ты вырвал из себя все феромоны, он вылил их на пол. Доволен?! Стоило того?!

Чэнь Син стоял, привалившись к стене, с зажатой между пальцами сигаретой. Он так её и не прикурил, но грыз фильтр с такой злостью, будто хотел растереть его в порошок.

— Ты чё, кайф поймал, да? Пыхтел как паровоз, вытянул феромоны, а его высокомерие аж в потолок упёрлось! Ну как, понравилось? Может, тебе ещё разок так захватить, чтобы точно прочувствовал?

Ци Хань, всё ещё тяжело дыша, выпрямился, утирая угол рта тыльной стороной ладони.

— Убери это, — коротко бросил он, кивнув на влажные разводы на полу.

— Ты, блять, издеваешься?! — Чэнь Син смотрел на него, как на идиота. — Ты хоть понимаешь, в каком ты состоянии?! Чёрт, и куда ты теперь собрался?!

— Я пойду сдавать ещё одну пробирку, — ровно ответил Ци Хань, даже не замедляя шаг.

Сигарета с тихим стуком упала на пол, а Чэнь Син, побелевший от злости, с размаху швырнул зажигалку в ноги Ци Ханю.

— Пошёл ты нахрен! — Чэнь Син схватился за голову, резко развернулся, не зная, куда деть себя от злости. — Ты просто ебанный Будда, хренова жертва! Да ты такой же тупой, как мой ёбанный бывший!

Ци Хань уже успел перевести дыхание и, несмотря на всё, даже попытался усмехнуться:

— Ты на своего бывшего все матерные слова из запаса извёл.

— О да. — Чэнь Син вскинул подбородок и сделал какой-то показушно-хулиганский жест, который выглядел абсолютно нелепо. — Но поверь, у меня ещё есть парочка выражений, и я готов протестировать их на тебе.

Ци Хань врезал ему ладонью по лицу, не сильно, но так, чтобы сбить с этого глупого, блядского тона.

— Ах ты ж...! — Чэнь Син дернулся, как кот, которому наступили на хвост, и с явным удовольствием бросил через плечо: — Ладно, иди ты нахрен, я к 303-му!

Сколько бы раз ты ни вытягивал феромоны, легче не становилось. С каждым разом было только больнее.

В железах оставалось всё меньше и меньше, и чтобы достать последние капли, иглу

приходилось вонзать всё глубже. Колоть, вытягивать, снова колоть — десятки раз подряд.

Когда дошли до последнего миллилитра, железа уже напоминала пустую оболочку.

Когда иглу вытягивали, Ци Хань вдруг вздрогнул, как от удара током.

На мгновение реальность разорвалась. Он не видел больше ничего. И только белый свет, стальные стены и острые, тонкие иглы.

Ци Хань, не сдержавшись, резко выгнулся, дёрнулся так сильно, что ремни фиксации жалобно заскрипели. Секундой позже они с треском разошлись.

Он свалился с кровати, тяжело рухнув на холодный пол, и первым делом начал судорожно отползать.

И в этот момент он вдруг увидел его.

Фу Гэ.

Ци Хань замер, широко распахнутые глаза на мгновение заполнились такой смесью боли и отчаяния, что даже врачи инстинктивно отшатнулись.

— Г-ге... — пересохшие губы задрожали, он приподнялся на дрожащих руках, кровь текла по ладоням. — Сяо Гэ...

Ци Хань, еле держась на трясущихся руках, судорожно потянулся к нему. Пальцы дрожали, лицо было мокрое от слёз и пота.

— Б-больно... — прошептал он, задыхаясь, в голосе было столько боли, что врачи невольно переглянулись. — Сяо Гэ... мне так больно... спаси меня...

И вдруг теплая ладонь легла ему на лоб.

Ци Хань на мгновение замер.

Тёплые пальцы мягко коснулись висков, медленно стерли холодный пот и кровь. Голос, тихий и нежный, словно далёкий сон:

— Ахань... тебе больно?

— Угу... — он едва не захлебнулся в всхлипе, пальцы дрожали так, что сил держаться больше не было.

Но в следующее мгновение тёплая ладонь вдруг болезненно сжала его запястье.

— Спасти тебя? — голос был холоден, как зимний лёд. — А как мне это сделать, если вся эта боль — это твоё наказание?

Ци Хань застыл.

Глаза расширились до предела, дыхание сбилось, а кончики пальцев похолодели.

— Ч-что?..

Пальцы Ци Ханя дёрнулись, он судорожно отпрянул, словно обжёгся.

Как и ожидалось, вторую пробирку с феромонами тоже слили в унитаз.

Фу Гэ хладнокровно вытянул её из кучи лекарств, не дрогнув, открыл и вылил содержимое. Бледно-розовая жидкость сползала по стенкам, как кровь, разбавленная водой.

Ци Хань тяжело вздохнул. Язык невольно скользнул по внутренней стороне зубов, и каждый вдох отдавался болезненной дрожью в груди.

— Ты ненавидишь меня, — хрипло пробормотал он, опираясь о стену, словно иначе не удержался бы на ногах. — Я понимаю. Но зачем же рисковать собой?

Фу Гэ даже не повернулся. Голос его звучал холодно и почти лениво:

— Мне понадобилось много лет, чтобы вытянуть из себя твои феромоны. Ни за что не позволю им снова попасть в мою кровь.

Ци Хань прикрыл глаза. Лёгкие горели от боли, и в ушах шумело так, что казалось, вот-вот потеряет сознание. Но он всё равно попытался говорить как можно мягче:

— Я понимаю. Но твои раны не заживают. Без феромонов тебе будет очень больно.

Фу Гэ фыркнул, лениво вернулся к кровати и небрежно опустил на подушки.

— Больно? — губы дрогнули в ледяной усмешке. — Я не боюсь боли. Чем больнее — тем лучше.

Председатель Ци ведь лучше всех знает, насколько развратное у меня тело?

— Это не только боль, — его голос сорвался, и он замер, чтобы отдышаться. — Последствия зашли слишком далеко. Без феромонов... ты умрёшь, Сяо Гэ.

— Ну и пусть, — не моргнув, бросил Фу Гэ.

На мгновение повисла тишина, такая звенящая, что было слышно, как тикают часы.

— Сяо Гэ, — тихо произнёс Ци Хань, и голос звучал глухо, как у утопающего. — Хочешь сделать со мной то же самое, что я делал с тобой?

Фу Гэ резко поднял глаза.

— Что?

Ци Хань вдруг расстегнул пуговицы на рубашке, сдёрнул её так резко, что та слетела с плеч и упала на пол, открывая сильный торс с глубокими следами бинтов.

Три раны были ещё свежими, из-под бинтов сочилась кровь.

— Я не прошу прощения, — хрипло пробормотал он, опуская голову так низко, что свет падал на виски и глаза тонули в тени. — Только прошу — прими мои феромоны.

Он шагнул к Фу Гэ и медленно вытащил ремень из брюк.

Перекинул ремень пополам, осторожно подал его, и, не моргнув, медленно опустился на одно колено.

— Если это хоть немного облегчит твою боль... — его голос сорвался, но он сглотнул и продолжил: — Заключи меня в клетку, мучай, как захочешь. Я согласен.

Фу Гэ смотрел на него долго, не моргая. Губы дрогнули, и он медленно выдохнул сквозь зубы.

Потом плавно соскользнул с кровати, приподнял ногу и без тени сомнений поставил босую ступню на плечо Ци Ханю.

— Господин Ци... вы хотите стать моей собакой?

Ци Хань медленно, без суеты, перехватил его лодыжку, чуть склонился и мягко, едва заметно,

коснулся губами кожи.

— Если ты не против.

<http://bllate.org/book/14453/1278317>